

Юнь Жэнь смотрел на Ли Чуаня с нескрываемым недоумением.

На протяжении десяти тысяч лет они с Ин Хуаем неотступно следовали за своим Императором. Какое бы решение ни принимал Ли Чуань, они никогда не спрашивали о причинах. Они всегда были уверены, что уничтожение Таинственной Жемчужины Девяти Небес — это заветное желание их господина. Ради спасения всех живых существ в Трех мирах жертвы на пути к цели казались неизбежными, вынужденными. Но теперь Император заявляет, что Жемчужина вовсе не является его сердечным пристрастием.

— Тогда что же является сердечным пристрастием Императора? — Юнь Жэнь нахмурился, в его глазах читалась полная растерянность. Казалось, они никогда по-настоящему не понимали своего господина.

Ли Чуань подошел ближе, помог Юнь Жэню подняться, а затем, взглянув на небо за пределами дворца, спросил:

— Как ты считаешь, есть ли различие между всеми существами в этом мире?

— Конечно, есть, — не раздумывая, ответил Юнь Жэнь. — Люди, бессмертные, демоны и злые духи — все они различны. Люди ради личной выгоды забывают о главном, демоны и злые духи идут против естественного порядка и сеют хаос. Лишь путь бессмертных — это истинный путь, способный защитить покой Трех миров.

Ли Чуань усмехнулся и, глядя на Юнь Жэня, медленно произнес:

— Тогда чем мое личное стремление отличается от эгоистичных желаний тех, кто живет в Мире Людей?

— Это совершенно разные вещи!

— Почему же?

— Это...! — Юнь Жэнь сжал кулаки, не в силах постичь сказанного. — Я не понимаю, почему Император постоянно сравнивает себя с ними. Вы — Небесный Император, все ваши деяния направлены на благо всех живущих. Как они могут стоять с вами в одном ряду?

Ли Чуань тяжело вздохнул и, сохраняя спокойствие, ответил:

— Личное стремление и эгоистичное желание по своей сути ничем не отличаются. И то, и другое — лишь прихоть сердца. Но даже если это прихоть, выбор пути и масштаб наших сил приводят к разным последствиям. Я, будучи Небесным Императором, желал защитить всех, но выбрал путь, который принес им страдания.

— Но поддержание истинного порядка невозможно без жертв. Если пустить всё на самотек, еще больше невинных погибнет из-за Таинственной Жемчужины Девяти Небес. К тому же, как вы сами говорили, все есть причина и следствие, ведомые небесным законом. Вам вовсе не нужно брать на себя всю эту вину.

Ли Чуань опустил взгляд, его глаза слегка блеснули, и он прошептал почти неразличимо:

— Но некоторые причины не стоило сеять с самого начала. Может, если бы я с самого начала не вмешивался, было бы лучше?

— Что вы имеете в виду, Император?

Ли Чуань слегка повел пальцами, воздвигая вокруг них защитный барьер. На его лбу проступил бледный, почти исчезнувший, но все еще заметный шрам. Изогнутый, словно молодой месяц.

До недавнего времени он никогда не показывал своего лица, даже обсуждая дела с небожителями, скрываясь за занавесью. Лишь немногие видели его истинный облик. Среди них — верные Юнь Жэнь и Ин Хуай, а также Ци Цин и Цзян Луин, которые узрели его в прошлых событиях. Эту отметину видел и Сюаньмин. Они провели вместе немало времени, но Сюаньмин никогда не спрашивал о шраме и даже не бросил на него ни одного странного взгляда. Хотя теперь облик Ли Чуаня уже не был тайной для Трех миров, с тех пор как он забрал к себе Сюань Цзюмина, он всегда скрывал этот шрам с помощью магии, чтобы тот не заметил.

— С точки зрения причинно-следственной связи, уничтожив Жемчужину, я действительно защитил обитателей Трех миров. Но тогда, десять тысяч лет назад, я делал это не ради мира, а ради самого себя. Мой народ был истреблен злыми духами, и я, переполненный жаждой мести, собственноручно вырезал ножом родовой знак на своем лбу, став человеком без дома и племени.

В глазах Юнь Жэня отразилось изумление. За все десять тысяч лет Ли Чуань впервые рассказал о своем прошлом.

Ли Чуань продолжал неспешно:

— В те времена я жил словно в тумане. В сердце не было ничего, кроме ненависти и слов наставника о спасении мира, но я забыл о том, кто я есть на самом деле.

— О том, кем вы были?

— Да. Я спросил тебя, в чем разница между всем сущим. Когда мой народ был жив, в моих глазах не было никаких различий. У всего есть душа, все сущее — едино. Если что-то существует в этом мире, значит, на то есть причина. Поэтому добро и зло не имели границ —

это лишь разный опыт, порождающий разные последствия. — Ли Чуань усмехнулся, словно насмехаясь над собой. — Сейчас я понимаю, что это были лишь пустые слова ребенка, еще не познавшего тягот жизни.

— Почему же пустые? Именно потому, что у вас было сердце, открытое миру, Небесный Путь выбрал вас владыкой Трех миров. Если бы не вы, здесь давно воцарился бы хаос.

Ли Чуань покачал головой:

— Но когда я погубил множество бессмертных и когда уничтожил Жемчужину, я делал это не ради мира, а лишь из собственных побуждений. Хочешь знать, что это было за побуждение?

Юнь Жэнь пристально посмотрел на него. Конечно, он хотел знать, что за сердечное пристрастие терзало его господина все эти десять тысяч лет.

— Это не было стремлением спасти мир, — тихо сказал Ли Чуань. — Это было очень маленькое желание. Я просто хотел, чтобы один человек остался в живых. Точнее говоря, — добавил он, — чтобы остался в живых один демон.

— Что...!

Юнь Жэнь был настолько потрясен, что лишился дара речи. Император, который так ненавидел злых духов, в итоге пожертвовал бессмертными ради одного демона.

— Тогда я думал так же, как ты. Я не мог понять, почему хочу спасти демона, ведь мой народ погиб именно от их рук. Долгое время я не мог найти ответа, продолжая идти по выбранному пути. Но десять дней назад, в Сердечном Пространстве Сюаньмина, я вновь увидел наше прошлое. Его слова наконец позволили мне осознать мое истинное пристрастие.

Десять тысяч лет назад, пытаясь выследить Сюаньмина, небожители сосредоточили все внимание на Ли Чуане, который дольше всех контактировал с демоном, и наложили на него массив слежения. Ли Чуань был вынужден скрываться от преследователей. Его сил тогда не хватало, чтобы противостоять им, он владел лишь базовой магией и имел при себе защитный артефакт, подаренный наставником. В конце концов, он потерял сознание под огромным деревом.

Очнувшись, он оказался в Сердечном Пространстве Сюаньмина. Это было не реальное место, но повсюду простирались прекрасные горы и реки. Солнце и луна сияли в небе одновременно, и это зрелище заворожило Ли Чуаня. На миг ему показалось, что клан Яюэ все еще жив. Там же он впервые увидел Таинственную Жемчужину Девяти Небес — ярко-синюю, как морская пучина. От одного взгляда на нее на душе становилось спокойнее, а раны переставали болеть.

Ли Чуань невольно указал на жемчужину в небе:

— Что это?

Сюаньмин сел рядом, прислонившись к дереву, и терпеливо объяснил:

— Это Таинственная Жемчужина Девяти Небес. Она средоточие всех желаний мира. Она может исполнить любое из них, но за это придется заплатить соответствующую цену. Поэтому она в безопасности лишь здесь, в моем Сердечном Пространстве. Если она попадет в чужие руки, в Трех мирах воцарится хаос.

— Это то, что искали на Небесах?

— Да. Именно из-за этой жемчужины мой народ был истреблен, поэтому я не позволю ей попасть в мир.

Глядя на небо, где солнце и луна соседствовали друг с другом, Ли Чуань спросил:

— Почему твое Сердечное Пространство такое?

— Я просто думаю, зачем в этом мире так строго разделять черное и белое? Разве не прекрасно, когда солнце и луна сияют вместе? Где нет ни правильного, ни неправильного, ни высших, ни низших, ни распрей.

Услышав это, Ли Чуань почувствовал, как заныл шрам на лбу, который давно не беспокоил.

— Что с тобой? Рана болит? — Сюаньмин с тревогой посмотрел на него.

Ли Чуань сжал кулаки. В его глазах отражались вина и скорбь. Сердце в груди колотилось, причиняя боль, во много раз сильнее физической. Несмотря на то, что один был небожителем, а другой — демоном, их судьбы были схожи. Сюаньмина преследовали, его народ погиб, он сам был покрыт шрамами, едва дышал... И все же он никогда не хотел использовать Жемчужину, чтобы причинить вред другим, а лишь стремился скрыть ее от мира.

Я не достоин своего имени, подумал Ли Чуань. От этой мысли дыхание перехватило, тело задрожало. Под обеспокоенным взглядом Сюаньмина Ли Чуань сжал губы и с трудом выдавил:

— Сюаньмин, если я... если я обманул тебя, ты... ты убьешь меня?

<http://bllate.org/book/18809/1829619>